

ТОЛПА И ВЛАСТЬ

В.Н. Руденко

Руденко Виктор Николаевич — кандидат философских наук, директор Института философии и права УрО РАН.

Здесь почти ничего не изменилось. Потоптанные зеленые дорожки, фикусы в холле. Каталог из желтых железных ящиков. Внизу на первом этаже — буфет. Когда-то здесь можно было купить сосиски и чай. Теперь продают «Кока-колу» и чипсы. Как всегда стоит очередь и даже не хочется к ней подходить.

Я сижу в читальном зале второй день. Как и десять лет назад, мои книги лежат в ячейке с номером читательского билета. Кажется, время остановилось. Сейчас двенадцать часов дня, но чувствуется усталость. Через шесть часов нужно уходить, но что-то не хочется...

Книга А. Дюнан (1896 г.): «Швейцария — едва ли не единственная страна, где народное самодержавие стало главенствующим принципом...». Учебник И.А. Покровского (1998 г.): «Государство это *Populus Romanus Quirites*. Народ является подлинным носителем государственного верховенства, государственного «величества» (*majestas*); и если есть в Риме в это время какое-либо «величество», то это есть Его Величество Римский Народ. Оскорбление народа, нарушение его прерогатив квалифицируется как «оскорбление величества», как *crimen laesae majestatis*».

... Да, конечно, здесь большие расстояния. Каждый день на дорогу уходит три часа... И эта толпа... Толпа... Я должен встретиться с ней через шесть часов.

Толпа движется недалеко от выхода. Стеклопанельная дверь, балюстрада вдоль некогда помпезных фонтанов. Теперь они обветшали, и плитки почти обвалились. Там нет никого, сыро и неуютно...

Толпа течет рядом по тротуару. Уткнувшись в двери метро, она расширяется, а затем устремляется вниз узкой лентой. В часы работы подземки она греется в ней, растянувшись на километры, и вновь изливается наружу. Там под землей толпа едина, заполняет все пространство. Пахнувший бытовой пылью сгусток сбивается в непрерывный поток. В этом потоке есть свои течения. Они движутся целенаправленно — к переходам, к выходу или на

платформы. Чтобы попасть в пункт назначения, надо попасть в один из этих потоков, но никогда не идти против — толпа сопротивляется самовольному движению. Ее не направить в другое русло, ей можно только починиться...

С толпой сливаешься, человек становится ее частью... Он теряет себя, его лицо и одежда становятся серыми, а душа тускнеет. В какие бы яркие одежды ни были одеты отдельные люди, толпа все превращает в серость. В толпе нет талантливых и бесталанных, бедных и богатых, больных и здоровых, сытых и голодных, добрых и злых, красивых и уродливых, старых и молодых, белых и черных, ученых и неучей. Здесь все одинаковы, но никто не радуется и не огорчается этому...

Окунувшись в толпу, остраиваясь от внешнего мира. Пока толпа движется, она безразлична к происходящему. Хотя сама толпа вся на виду, в себе самой она ничего не замечает. Толпа не выражает своих эмоций, она просто существует, но не знает об этом — у нее нет памяти. Толпа не замечает нищих, бродячих музыкантов, бездомных детей и старух, так же, как тело не чувствует своих органов после анестезии. В толпе каждый отдельный человек не видит никого в отдельности, не слышит музыки..., не испытывает ни любви, ни ненависти. Если кто-то вдруг закричит в толпе, она будет глуха, как непроницаемая стена. Толпа не замечает даже смерти. Умерший останется лежать и будет только препятствовать движению. Его непременно заберет КТО-ТО, вскоре он КУДА-ТО исчезнет, и больше не будет мешать потоку.

У толпы есть своё *ratio*, хотя она не рассуждает и не думает. *Ratio* проявляется в многоголосии и безмолвии толпы. Одним ее обитателям некогда и некого спросить, другим некогда и некому ответить. Проблески *ratio* монологичны и отрывисты: «Как проехать...?», «Молодой, можно Вас спросить?...», «Осторожно, двери закрываются!», «Извините, обращаюсь к Вам как бородач к бородачу, дайте чудаковатому дачнику пять рублей на проезд до дому...», «Люди добрые, помогите Христа ради!»

... Толпа самодостаточна. Она сама поддерживает свое существование — самоуничтожается ночью, самовозникает утром и самовоспроизводится днем. У нее отсутствует окружение, поскольку она окружает всех. Она никого не влечет к себе и если кто-то покинул толпу, никогда о нем не жалеет и не зовет обратно.

Толпа не имеет возраста и родства. Она живет мгновениями и одновременно годами. У каждого находящегося в толпе есть родственники, но в целом толпа безродна.

Толпа не знает моральных принципов, не бывает плохой или хорошей. У нее отсутствует чувство жестокости и сострадания, веселья или грусти, тщеславия или самоуничижения. Толпа никогда не впадает в депрессию и не испытывает эйфории.

В толпе исчезает граница между своим и чужим. Толпа ничего не создает, ничего не имеет и ни на что не претендует. Она оставляет после себя только мусор. Ей нечего терять и некого защищать. Смысл ее жизни — самодвижение, а не богатство.

В силу своих особенностей толпа равнодушна

к власти, не организуется в партии, не податлива идеологиям и ни верит в бога. У нее нет почтения к чинам и рангам, нет своих вождей и кумиров. Толпа не требует для себя государственных наград и не притязает на публичные должности. Она не останавливается у памятников правителям и не переходит на строевой шаг при виде генерала. Толпа забывает о власти, ей не до нее. Она также глуха и слепа к агитаторам-партийцам, как к простым попрошайкам. Политика чужда толпе. Гораздо важнее — циркуляция в городском пространстве.

Человек в толпе исчезает, теряет волю. Люди в ней не существуют сами по себе, они — эпифеномены. Но их количество способно достигать критической массы. Когда толпа встречает непреодолимое препятствие, масса переполняет пространство, взрывается, разрушает все вокруг и разбегается... Сокрушив все на своем пути, исчезнув и перевоплотившись вновь, толпа не

несет ответственности — у нее нет свободы воли. Часть ответственности за действия толпы иногда приходится нести власти, но чаще всего — никому.

Власть не может приказывать толпе, спрашивать за ее прегрешения, но она никогда не забывает о ней и пристально наблюдает за поведением толпы глазами милиционеров. Для власти толпа потенциально преступна. Она не любит неорганизованную массу и избегает встречаться с ней. Представители власти предпочитают общаться не с толпой, а с народом, надлежащим образом организованным. Именно в нем власть видит самодержца и суверена, источник своего могущества. Обычный человек тоже не любит толпу — в ней ему тесно и одиноко, а, попав туда, он стремится выскочить обратно.

ФИЗИОЛОГИЯ РЕКЛАМЫ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

В.В. Говорков

Говорков Виктор Викторович — поэт, прозаик, член Всероссийского фонда милосердия и здоровья, Международного социально-экологического союза.

Недавно я увидел на большом настенном календаре изображение Игоря Скляра. Так вот, он изображен в белом костюме, белом жилете, белых кроссовках, и сидит он на корточках на белой большой вазе. Посадили истуканчика. Те, кто этот календарь оформил, хотели показать, что у них, дескать, какие-то представления есть об эстетике, о гармонии тонов. Но почему все-таки это так дешево? И этот Скляр с его счастливой и глупой улыбкой... Они не умеют, не чувствуют! Дурацкая ваза с некрасивым рисунком. И почему они на нее Скляра посадили? И почему он согласился? Бедный. Представьте, посадили бы на вазу Хэмингуэя или Достоевского?! Хотя, впрочем, здесь ведь только Скляр... Так вот, при надлежащем художественном вкусе и надлежащем художественном оформлении Скляра это могло бы быть эстетично, если бы не имело такой социальной подоплеку, которая выражается в мысли, что вот, мол, как люди живут. Чтобы, глядя на это, у всех прочих слюнки потекли. Не текут!

Вот по телефону вкрадчиво, с запинкой информатор оповещает: «На работу требуются девушки — высокие, стройные, коммуникабельные... Зарплата высокая... Без интима...» (На этом месте он

почему-то говорит сдавленным голосом).

И ни слова о том, какая специальность или какие виды работ выполнять. Это что за профессия такая — «высокие и стройные»? Нет такой профессии! А если «без интима», то почему тогда голос пресел?

Кругом в городе вывески: «Светлана» — овощи, молоко, «Елена» — мясо, рыба, колбаса, «Ирина» — вино, водка. Честное слово, такое впечатление, что женщины пошли по рукам! Это прекрасные женские имена, и мне непонятно, неужели когда народ их придумывал, он изначально имел в виду продукты? Будет правильным предположить, что когда народ их придумывал, он это делал от нежных чувств. А сейчас от этих чувств ничего не осталось.

Бежал в вечернем сумраке и увидел прилепленную к железной ограде (тусклую во тьме) концертную афишу:

«Живая легенда!

«Сябры», «Добры молодцы», «Цветы», «Земляне».

Их уже давным-давно на эстраде не слышать, а они, оказывается, все еще поддерживают в себе жизнь. А я и не знал. То, что легенда — ладно, пусть. Но, то, что еще живая — это ужасно!

Нынешнее государство не только унижает большинство людей нищетой. Но и унижает вещиизмом, достатком. Когда красотка на телеэкране мажет себя духами от «L'oreal» и улыбаясь заявляет: «Ведь я этого достойна!», неужели никому не понятно, что это её унижает. Потому что, заявляя так, она даёт заявку на себя не как на человеческую личность, а как на обладателя товара. В этом скрывается унижение. Потому что, даже являясь обладателем товара, многие люди не понимают, что примеряют себя к уровню товара, и не более того.

Для гурманов появился журнал обо всём, что пьют и едят. Называется «Сомелье». Издают этот шикарный журнал на глянцево́й бумаге, в текстах — подбирают изысканные светские выражения (бонтон). Главный редактор Константин Карасёв пишет: «В традиционных обществах связующая сила совместной трапезы до сих пор очень велика. У нас общее угощение — свидетельство достатка, щедрости, готовности разделить